

ДЁРТ бизни кьуртараджакъ!

Шевкет ве Карина Февзиевлер кьорантасы. Балалары: Артур, Диана, Сабрина, Эмир.

Выжженная в памяти депортация.

Воспоминания очевидцев

В Узбекистане их поселили в старом прокопченном сарае без окон, крыши и пола. На каждую семью отвели по метру-полтора квадрата. Дизентерия, тиф, голод. И каждый день гнали на хлопковые поля: бригадир прямо на лошади заезжал в центр барака и щелкал кнутом. Неудивительно, что в этих условиях люди массово умирали. В один из дней слегла и бабушка Наримана Меметова. Вот что, по его словам, было дальше: «Как-то ей уже совсем плохо стало, она говорит: «Виноград хочу!». Узнал, что в одном отделении совхоза где-то есть виноградник, пошел туда босиком в одних рваных штанах в майке, залез в этот виноградник, взял несколько кистей. Естественно, меня заметили... Кинулся прочь от виноградника, а там был ров, у меня много ягод высыпалось, другие помялись, но одну кисть я придержал, кое-как выскочил. Подошел с этим виноградом к бабушке, ей в рот немножко покапал сока, она мне сказала: «Спасибо, сынок». И умерла.

стр. 2-3 ►

В проект справочника для ЗАГСов внесли нелепые крымскотатарские имена

Зачем нашему народу надуманные и нелепые имена? Встречаются настолько злые и насмешливые варианты, которые даже писатели-сатирики не смогли бы придумать! Поэтому в книге (тем более в справочнике для ЗАГСов) все имена должны писаться правильным литературным языком. Борьба за честь крымскотатарских имен, за обогащение их состава (включая старинные имена и народные варианты), за грамотное и унифицированное их написание наша общая. И этим должны заниматься грамотные, хорошо знающие крымскотатарские личные имена специалисты.

стр. 7 ►

В Симферополе состоялся литературный вечер в память о жертвах депортации крымских татар

У каждой семьи есть своя история, связанная с депортацией 44-го года. Каждая из них по-своему трагична, сложна, но общим по сей день остается одно: никто не ответил за тот день мая сполна. Почему? Почему коренной народ выдворили из собственных домов на

мыслями целого народа. Также красив и очарователен вокал наших известных исполнителей – Мавиле Абкеримовой, Эльвиры Сарыхалил. Первое мгновение звучания голоса каждой из них – это миллион мурашек по телу, это микротранс, это умелая рука дирижера для оркестра души.

Так представьте себе, если объединить таланты писателя и певца? Вот оно! Вот оно – снадобье для наших ран. Соцветие талантов, чье творчество не оставит равнодушным. Благодаря им состоялся литературный вечер, посвященный скорбной дате под названием «Агърым, Севгим, Къуванчым – Ватаным».

Грустно-прекрасная атмосфера зала «Шейх-Эли». Зрители, затаив

полвека, а кого-то даже навсегда? Почему какая-то очень важная персона решила окрестить трудолюбивый и любящий родную землю народ предателями? Почему умирали те, кто мог бы дожидаться прошедших войну детей, мужей или внуков? Почему... Почему...

Сегодня при произношении слова «Ватан», помимо чувства гордости, где-то в глубине души начинает ныть давно полученная, переданная от родителей, а им от их матерей и отцов рана. Все бы ничего, если бы не память о страшных событиях 18-го дня мая, уже поселившаяся в нашем ДНК. Нет антисептического средства для нее, нет бинтов. Их не хватает – так глубоко засела эта рана.

Не вылечить, а успокоить, самостоятельно дать хоть немного логичные ответы на сложные вопросы. Чем же? Конечно, словами и музыкой. Это те неотъемлемые составляющие, без которого не может существовать ни один народ.

Сеяре Кокче, Майе Сафет, Алие Кендже-Али. Эти личности известны среди народа строками, наполненными глубоким смыслом, существующим в унисон с

дыханием, наблюдали за мимикой выступающих и улавливали тихий шелест бумаги, тихо падающей из их рук.

Общее негодование, страх перед каждым днем, пугающая неизвестность – вот что было в их строках и голосах. Вот что со слезами на глазах слушали гости вечера. Столько обиды в этих творениях, но их хочется слушать! В них то, о чем сложно говорить и почти что невозможно понять... Помимо событий давности, наш народ переживает новые удары судьбы. Нет, не такие откровенные, да и взялись на нашу голову совсем недавно. Сегодня это происходит будто случайно, будто неумышленно и так неуклюже, что ноги сами ведут прочь от маскарада. Куда-то далеко, прочь от родной земли... Дежавю какое-то, правда?

«Муим дегиль, ким къаршында, муим ким яньында (важен не тот, кто напротив, важен тот, кто рядом – прим. ред.)» – строки, подводящие итоги литературного вечера. Давайте держаться вместе.

Алиме МЕНАС
фото Диявер ЗИНЕДИН

Задержанного на акции в память о жертвах депортации оправдали

18 мая в Центральном районном суде Акмесджита (Симферополя) прошло заседание по делу Сейтасана Асанова, которого 17 мая задержали в ходе акции жертв депортации крымскотатарского народа.

19-летнего жителя Акмесджита обвиняли в неподчинении законным действиям полиции. После прений и допроса ряда свидетелей суд постановил оправдать крымского татарина из-за отсутствия состава правонарушения.

17 мая в микрорайоне Ак-Мечеть в Акмесджите, где состоялась традиционная акция «Зажги огонек в своем сердце» ко Дню памяти жертв геноцида крымскотатарского народа, задержали около двух десятков человек, среди которых были и несовершеннолетние.

Стало известно, сколько прокурор запросил для фигурантов «дела 26 февраля»

В Центральном райсуде Симферополя 14 мая обвинение потребовало наказание для Али Асанова и Мустафы Дегермеджи в виде 5 лет лишения свободы условно с испытательным сроком в 3 года и 6 месяцев.

14 мая подсудимые Али Асанов и Мустафа Дегермеджи выступили с последним словом.

Суд намерен вынести приговор 4 июня.

По словам адвоката, остальным фигурантам «дела 26 февраля» обвинение потребовало наказание в виде 3 лет 6 месяцев условного срока лишения свободы с таким же испытательным сроком.

Чийгоз и Умеров встретились в Вашингтоне с представителями Трампа

Участники крымскотатарского национального движения Ахтем Чийгоз и Ильми Умеров в Вашингтоне встретились с представителями администрации президента США Дональда Трампа.

Об этом 16 мая на своей странице в Facebook написал Умеров.

«В ходе этой встречи обсуждалась текущая политическая ситуация в Восточной Европе, Украине и [...] Крыму», – говорится в сообщении.

Кроме того, состоялась встреча с представителем сенатора Ричарда Дурбина (штат Иллинойс).

Также Чийгоз и Умеров посетили офис американской юридической фирмы Covington and Burling, LLP, представляющей интересы Украины в Международном суде ООН, в судебном процессе против России.

Как сообщается, при участии Чийгоза и Умерова в Институте Маккейна прошло мероприятие, в ходе которого крымские татары рассказали собравшимся о событиях в Крыму.

Выжженная в памяти депортация

Воспоминания очевидцев

Виноград для бабушки

Нариман Меметов (на фото) в годы войны остался сиротой – его воспитывала бабушка. С нею же его, 15-летнего мальчишку, депортировали из Бахчисарайского района в совхоз Нарпай под Бухарой. Несмотря на то, что Нариман почти все годы немецкой оккупации состоял связным в партизанском отряде.

В Узбекистане их поселили в старом прокопченном сарае без окон, крыши и пола. На каждую семью отвели по мет-

ру-полтора квадрата. Дизентерия, тиф, голод. И каждый день гнали на хлопковые поля: бригадир прямо на лошади заезжал в центр барака и щелкал кнутом. Неудивительно, что в этих условиях люди массово умирали. В один из дней слегла и бабушка Наримана Меметова. Вот что, по его словам, было дальше: «Как-то ей уже совсем плохо стало, она говорит: «Виноград хочу!» Смотрю, ей на лицо мухи прямо сели, сами серые. Я накрыл ее намоченной марлей, все равно лицо серым-серо – воздух был благодатный для мух. Думаю: «Родственники в другом отделении, ну где ты возьмешь виноград?».

Узнал, что в одном отделении совхоза где-то есть виноградник, пошел туда босиком в одних рваных штанах в майке, залез в этот виноградник, взял несколько кистей. Естественно, меня заметили... Кинулся прочь от виноградника, а там был ров, у меня много ягод высыпалось, другие помялись, но одну кисть я придержал, кое-как выскочил. Подошел с этим виноградом к бабушке, ей в рот немножко покапал сока, она мне сказала: «Спасибо, сынок». И умерла.

Дальше вопрос, как хоронить... Никому ни до кого дела нет. Вытащил из сумки последние вещи, пошел на базар, поменял на кукурузные лепешки – они тогда

были как валюта. Уговорил двух пожилых крымских татарок – дал каждой по пол-лепешечки. Они правильно прочитали все молитвы. Погрузил бабушку на тележку, и на кладбище мне за лепешку выкопали яму. Вот таким образом похоронил ее, предал земле. Ребята взяли свою лепешку и ушли, а мне уже идти некуда. Так я с бабушкой был, а теперь ее нет».

Нариман Меметов выжил только благодаря чуду – его разыскал и забрал к себе приехавший с фронта дядя Осман. Вернуться в Крым ему удалось лишь спустя пол-столетия. В доме его родителей в Симферополе давно живут другие люди, а на месте, где был похоронен его отец – какой-то богатый выстроил себе дом...

The QIRIM по материалам сайта «Я помню»

Воспоминания Зенифе Сеитбаттал

Я родилась 3 января 1925 года в деревне Саватка Балаклавского района. Мать была домохозяйкой, отец – извозчиком. В семье нас было пятеро детей, я – самая старшая.

Я очень любила учиться. Мне даже подарили отрез как премию за хорошую успеваемость. Но окончить школу так и не смогла.

Мне было девять лет, когда умер папа. 11 мая 1934 года он почувствовал себя плохо, слег, а на следующий день его уже не стало. Мама тоже была слаба здоровьем. Но все равно каждый день выходила в поле, чтобы как-то прокормить нас. Через несколько лет от сер-

дечного приступа умерла одна из моих сестреноч. После нее не стало самого младшего нашего братика. И, едва мы отошли от горя, началась война. Мне было шестнадцать лет...

Более сотни крымскотатарских активистов собрались у памятного знака жертвам депортации в Симферополе

В Акмесджите (Симферополе) 18 мая в 12 часов более сотни человек собрались у памятного знака, где почтили минутой молчания память жертв депортации крымскотатарского народа.

Перед собравшимися выступил крымскотатарский активист Нариман Джелял. Он напомнил, что собравшиеся пришли почтить память жертв депортации крымскотатарского народа и что подобные мероприятия 18 мая проходят в разных городах Крыма и в мире.

«Эта память всегда будет жить в наших сердцах. Мы не позволим забыть эту боль: ни самим себе, ни кому бы то ни было. Нет ни одной крымскотатарской семьи, где бы не потеряли хотя бы одного человека – отца, бабушку, детей. Огромное количество маленьких детей погибло в те годы, поэтому мы не позволим превращать этот день в нечто иное и будем отдавать дань скорби, боли, памяти всем, кто не смог вернуться на нашу землю», – сказал Джелял.

В сквере, где проходили траурные мероприятия памяти жертв депортации крымскотатарского народа из Крыма, находились сотрудники российской полиции, ОМОНа и три автобуса, предположительно, с сотрудниками Росгвардии, передает «Крым-Реалии».

Фото Заир АКАДЫРОВ

В поселке Октябрьское состоялся массовый молебен в память о жертвах депортации

Одно из масштабнейших массовых мероприятий в Крыму, посвященных памяти депортации крымских татар, прошло в поселке Биюк-Онлар (Октябрьское). Пришедшие провели молебен и почтили память жертв трагедии 1944 года. Крымские татары поселка Биюк-Онлар ежегодно 18 мая собираются по собственной инициативе у памятного камня.

Фото: Али Меметов

Эхо войны: история Мерьем Азизовой

Любовь к родине превозмогает все.
Вергилий

Прошло более семидесяти лет со дня окончания самой страшной войны на Земле, и ее последствия в различной форме дают знать о себе до сих пор. Недавно мне довелось услышать необычный рассказ о тех далеких годах.

Мерьем Азизова родилась в 1925 году в с. Гавр (Плотинное) Бахчисарайского района. Отец ее – Азиз Османов, 1892 года рождения. Мать Мерзие родилась в 1905 году. Был у Мерьем и младший брат Шукри.

В гостях у Мерьем-апте. Вот такие крымскотатарские чебуреки приготовила Гульнар Аблаева

Отец состоял в колхозе. Как и многие другие односельчане, занимался сельским хозяйством. Члены колхоза работали на табачных плантациях, выращивали цветы, собирали улиток. Все это в дальнейшем государством отправлялось в страны Европы. Мать была домохозяйкой.

ем, находясь в деревне безвыездно, практически не знала, как меняется обстановка в мире. А вот круг общения Рене Фортома был гораздо шире, и он знал намного больше. Однажды он приехал с печальной новостью, сообщив Мерьем, что крымскотатарский народ был депортирован со своей родины, что, конечно, повергло Мерьем в шок. Рене Фортом, понимая, что приближается конец войны, стал предлагать ей варианты дальнейшей их совместной жизни. Он предложил ей совершить побег и обосноваться у него на родине во Франции. Молодой сельской девушке, не иску-

шенной в той сложной обстановке, надо было положиться на надежного человека. И она приняла его предложение. Им пришлось пройти много суровых испытаний, прежде чем они обосновались в Крозане недалеко от города Лимож.

Постепенно налаживалась семейная жизнь молодых людей. Родились дети.

В гостях у Мияссер Османовой. В центре - Мерьем-апте и Мияссер-апте. Справа Г.М. Аблаева, Жан (сын Мерьем-апте), Серж (сын Мияссер-апте).

В июне 1941 года началась война с Германией. В августе 1942 года Мерьем Азизова вместе со многими молодыми односельчанками была угнана на принудительные работы в Германию. Попала она на работу к богатому австрийскому фермеру. С утра и до ночи она была занята домашним хозяйством. Рано утром доила коров, днем выполняла любую другую работу по дому. Она была так занята повседневной работой, что практически ни с кем не общалась и, соответственно, не могла в должной мере освоить немецкий язык. Единственным человеком, с кем ей приходилось пере-брасываться словом-другим, был молодой француз по имени Рене Фортом, который каждое утро приезжал в поселок для сбора надоенного молока в фермерских хозяйствах и перевозки его на сборный пункт в город. Он так же как и Мерьем в свое время был угнан со своей родины оккупантами для принудительных работ. Разумеется, в дальнейших общениях молодые люди узнавали друг о друге все больше и больше и прониклись друг к другу симпатией. Мерь-

ем, находясь в деревне безвыездно, практически не знала, как меняется обстановка в мире. А вот круг общения Рене Фортома был гораздо шире, и он знал намного больше. Однажды он приехал с печальной новостью, сообщив Мерьем, что крымскотатарский народ был депортирован со своей родины, что, конечно, повергло Мерьем в шок. Рене Фортом, понимая, что приближается конец войны, стал предлагать ей варианты дальнейшей их совместной жизни. Он предложил ей совершить побег и обосноваться у него на родине во Франции. Молодой сельской девушке, не иску-

матного кофе. Ведь в них жил дух своего народа и своей родины. Они стали неразлучными подругами. К тому времени у них уже были французские имена. Мерьем называли Мари, а Мияссер – Мэри.

Мерьем всегда помнила о матери, отце и других своих родственниках и в тайне не теряла надежду когда-нибудь с ними увидеться. Она делала запросы в различные инстанции, не получая от них информации. В один из визитов главы советского государства Н.С. Хрущева во Францию Мерьем оставила в секретариате свою просьбу помочь найти родственников. Увы, и здесь ответ не был получен.

Мерьем-апте вырастила трех сыновей и привила им любовь к своей родине – Крыму. Старшего сына зовут Клод. Он инженер-строитель по образованию и длительное время работал в префектуре Нантера (пригород Парижа). Второй сын Жак всю жизнь проработал механиком. Третий сын Мерьем-апте Ален – специалист в области экологических норм в прибрежном строительстве. Все они в данное время на пенсии. Дети Мерьем-апте, слушая рассказы о далеком Крыме, заочно полюбили родину матери. Они всегда повторяли, что Крым – это родина нашей мамы. Мечта матери найти своих родственников передавалась и сыновьям. Поэтому поиски продолжались. При жизни Мерьем-апте сыновья собрались и приехали в Крым. Мир не без добрых людей, и им в конце концов удалось найти родственников. Они проживают в деревне Коккоз (Соколиное). Это племянник Мерьем-апте Таир Сеитаблаев. Он известный аккордеонист. А его сын Эльдар Сеитаблаев – известный композитор и исполнитель своих песен. Он сочинил всеми любимую мелодию «Коккоз хайтармасы», песни «Мавиле», «Пара тапсам» и многие другие. В данное время Эльдар Сеитаблаев вместе с сыном Алимом часто украшают наши крымскотатарские свадьбы, душевными мелодиями и песнями.

От новых знакомых односельчан Мерьем-апте сыновья узнали о трагической судьбе родителей и брата Шукри. Во время депортации они попали в поселок Митан Самаркандской области. Из-за нечеловеческих условий жизни они скончались в первые же годы депортации.

Мерьем-апте прожила 85 лет и скончалась в 2010 году. Сразу после ее кон-

Вот что известно о Мияссер-апте. До войны она окончила медтехникум в Бахчисарае и работала по специальности. Она нашла своих родственников в Самаркандской области еще в советское время. У нее два сына. Скончалась Мияссер-апте в 2014 году. Похоронена она на том же кладбище, что и ее неразлучная подруга Мерьем Азизова.

Мерьем Азизова (слева) с родственницей Эфтаде

А об удивительной судьбе двух наших соотечественниц нам поведала Аблаева Гульнар Мамбетовна, бывший старший преподаватель французского языка в КИПУ. Это ей звонили дети Мерьем-апте с просьбой проконсультировать, как похоронить мать по мусульманским канонам. Интересно также узнать, как дети Мерьем-апте нашли своих родственников в Крыму. Они приехали в Крым в середине мая 2007 года. Поездку свою они спланировали специально так, чтобы присутствовать на мероприятии, посвященном дню депортации нашего народа. По их просьбе им в качестве переводчика пригласили Г.М. Аблаеву. И вот при большом скоплении народа на площади она через микрофон обратилась к присутствующим с просьбой, чтобы после окончания мероприятия к условленному месту подошли бывшие жители и потомки тех, кто до войны проживали в деревне Гавр. К счастью на митинге оказались внуки тех, кто в детстве учились вместе с Мерьем Азизовой. На следующий день дети Мерьем-апте, Г.М. Аблаева в сопровождении нескольких односельчан Мерьем-апте поехали в деревню Гавр. Как рассказала Гульнар Мамбетовна, по прибытии в деревню старший сын Мерьем-апте Клод быстро перебежал мост через речку и показал то место, где должен был находиться дом их матери. Увы, на этом месте были только остатки жилого здания. Сын Мерьем-апте Клод, слушая рассказы матери, внимательно изучал аэрокосмическую карту местности и безошибочно определил месторасположение дома.

Надмогильный памятник

чины дети позвонили знакомым в Крым, чтобы проконсультироваться, как похоронить мать по мусульманским обычаям. Им посоветовали обратиться к настоятелю местной мечети. Им оказался имам, араб по национальности. В итоге дети похоронили мать согласно мусульманским канонам. Похоронена она рядом со своим супругом.

Несмотря на трудности, которые испытывали наши две соотечественницы, они сохранили любовь к своей родине и привили эту любовь своим детям. Нам же остается пожелать всем мира и добра на земле и чтобы никакие обстоятельства не отлучали никого от своих родственников и родной земли.

Энвер МУРАТ

Разговоры с отцом

С улыбкой грустной на лице
Я вспоминаю об отце,
Его тернистую дорогу.
И сам стараюсь понемногу
Заветам следовать отца
И не терять нигде лица.

24 мая тебе должно было исполниться 90 лет. Из них 16 ты прожил на Родине, 32 (не по своей воле) – на чужбине, и уже 42 года ты живешь в моей памяти... Местом, где ты обрел свой Вечный Покой – по воле Аллаха – стало мусульманское кладбище «Минор», расположенное почти в центре Ташкента и имеющее более чем двухсотлетнюю историю. На этом же кладбище рядом с тобой покоится моя мама. Чуть подальше – могила моей супруги и могилка твоей первой внучки Лилечки, моего первого ребенка, прожившего всего два месяца.

Мысленно обхожу Вас всех и кладу каждому по букету крымских цветов...

Аллахнынъ рахметинде олунъыз.

Азиз джанынъыз дженнетте олсун. Амин

В 1967 году Вы с братом Ниязи и со своими супругами в первый раз после 1944-го были на Родине, в Крыму. Мне помнятся эмоциональные рассказы об этой поездке и твои глаза. Радость в них часто сменялась выражением какой-то печали и тоски. Радость они излучали, когда ты рассказывал, как, найдя на склонах Демерджи чаир своего дедушки Амета с одичавшим виноградником, Вам даже удалось полакомиться виноградом, случайно найденным на одном из кустов. Такую же радость в твоих глазах я видел, когда слушал как тепло и радушно Вас встретили соседи – алуштинцы, простые русские люди, помнившие Ваше детство и с наслаждением говорившие на твоём, крымскотатарском, языке. Но с какой же тоской в глазах ты рассказывал о том, как тебя не пустили на порог твоего родного

роко расправив крылья, воспарил в голубом просторе своей Сказочно Прекрасной Родины.

Ты находился у себя дома, где, как известно, и стены помогают. Около одной трети этих работ закупил Государственный музей искусств УзССР. Часть вошла в собрание живописи Музея литературы имени Алишера Навои. Что-то ты сам подарил родственникам и несколько работ, которые зрители могли видеть на твоих персональных выставках в Крыму, хранятся у меня. Также у меня хранится написанный тобой более 60 лет назад небольшого размера портрет, на котором ты изобразил меня в пятилетнем возрасте. Он относится ко времени, когда ты упорно работал над своей картиной «Перегон стада», и, видимо, чтобы отдохнуть от нее, ты вечерами при свете тусклой электрической лампочки создавал мой образ. Таких вечеров было пять или шесть. Помню: позировать мне не хотелось. Оно и понятно. Для такого непоседы, каким я был в детстве, немислимо было и минуты посидеть спокойно, а тут сиди без движения по несколько часов... Жуть! Я капризничал, вертелся, что очень раздражало тебя. Но после того, как мои уши запылали от знакомства с твоими железными пальцами, я смирился со своей печальной участью, мудро рассудив, что уши мне еще будут нужны. Когда портрет был почти закончен, ты не убрал его как обычно, а, оставив на мольберте, отлучился по каким-то своим делам. Я был дома один и решил «слегка подправить свой образ». Пальцами по не просохшей масляной краске я начал увлеченно «исправлять твои ошибки». Мое желание довести свой портрет до уровня «шедевра» было остановлено, когда мама увидела, во что я превратил твою работу. Мы оба знали твой крутой нрав и стали готовиться к самому худшему. Вскоре ты вернулся, увидев расстроенную маму, свою «исправленную» работу и меня в слезах, перепачканного краской, ты все понял и, неожиданно улыбнувшись, сказал: «Ничего... видимо, будет художником». Ты был строгим, но справедливым отцом, и сейчас я с благодарностью вспоминаю твои слова: «Люби мою строгость – она тебе друг...» Именно твоя справедливая строгость удержала меня на плаву в годы моей беспокойной юности во времена, когда молодыми людьми больше движут чувства, которые в этом возрасте обычно преобладают над разумом.

Твоим последним днем пребывания на Земле стал день 3-го мая 1976 года... Когда разъехались все, кто провожал тебя в последний путь, я сидел поздним вечером на большой скамейке перед нашим домом. Эту скамейку мы устанавливали вместе с тобой. Примечательно то, что она никогда не пустовала. Днем она была в распоряжении детей, а вечерами здесь собирались соседи и вели, сидя на ней, свои бесконечные разговоры. Сейчас я сидел на ней один и погруженный в свои горестные мысли не заметил, как рядом остановилась «Волга» – такси, из которого вышел его водитель и сел рядом со мной. Узнав о том, что у нас произошло, он прочитал дуа и на мой вопрос, знаком ли он был с тобой, он сказал, что знал тебя не более получаса. Оказалось, что один раз он подвозил тебя из города и, как-то сразу почувствовав доброжелательность и тепло, исходившие от тебя, поделился с тобой своей бедой. Как оказалось, его семейная жизнь была на грани распада, и он не знал, как быть. Выслушав его, ты подсказал, как ему следует поступить, что он и сделал. В результате семья была сохранена. Это – пример, красноречиво говорящий о твоём обаянии и необъяснимой способности притя-

гивать к себе людей и оказывая им посильную помощь, никогда об этом не рассказывать...

На третий год после твоей трагической гибели нашей семье тебе был установлен надгробный памятник.

Рустем Эминов. Последняя осень - памяти художника Кязима Эминова

ник. Он представлял собой полуфигуру из бронзы размером в полторы натуры на внушительном постаменте. Высота всего надгробия была чуть больше трех метров. Автором всего комплекса был Леонид Григорьевич Рябцев. Этот памятник благополучно простоял более 30 лет. Он стоял бы и до сего дня, но какие-то НЕЛЮДИ, ЗВЕРИ, ВАНДАЛЫ, соблазнившись цветным металлом – бронзой, похитили твою полуфигуру. Да покарает их Аллах!!! Стараниями твоего внука Эльдара и художника-педагога Салпинкиди Яниса Панаетовича полуфигура была восстановлена и установлена на прежнем месте. Но теперь она выполнена из бетона и, конечно, не производит прежнего впечатления, но, слава Аллаху, имеем, что имеем. Вот такие события произошли без тебя... Сейчас я мысленно опять на кладбище «Минор». Вспоминаю вас всех, брожу от одного к другому и читаю, как могу, дуа. А по радио звучит твоя любимая песня «Адалар сахилинде».

Рустем ЭМИН

Кимерде бир ачувым чыкъса,
Ичимдеки джанаварым уянса,
Асапларым мытлакь патлай,
Эсимни сарып ала ногъай.

Джуйрюгуме мен атланаман,
Яныма тери къамчы аламан,
Душманларгъа уджюм этип,
Ачувнен парчалайым джекирип.

Дембеллик апансыздан кельсе,
Къолумдан бир шей келишимесе,
Тюшюмде ялы бойгъа кетем,
Къарт чобангъа чевирилем.

Раатланам нарат тюбюне ятып,
Унутулам узун чубукь чекип.
Денъиздеки гемилерге севинейим,
Узакъларгъа кетмек арзу эттейим.

Эгер чыкъса бир кимсенен дава,
Шу дакъкъада ускут пейда ола.
Без бу акъ, къара – зия айтам,
Къозгъалмагъа пек къуванам.

Къальбимни къайгъы къапкъанда,
Дертлер юрегимни якъкъанда
Эшитем насыл агълай кемане,
Манъа дева о, мен – чингене.

Къырымлынынъ зенгин джаны,
Асырларда пишти къаны,
Чокъ кимселер къарышкъан,
Чокъ къыяфетлер къошулгъан.

ЧОРАБАТЫР

Рустем Эминов. Портрет отца

дома те, кого называют заселенцами Крыма. Те, кто с молоком матери впитали злую беспричинную ненависть к тебе и ко всему твоему прекрасному народу. Пусть Аллах воздаст им по заслугам... Амин!

Я думаю, что это короткое свидание с Родиной после долгих лет тоски и разлуки было первой искоркой, из которой позже возгорелось пламя острого желаний приехать в Крым и выразить при помощи кисти и краски огромную любовь к своему Волшебному Отчому Краю.

Осуществить свою мечту ты сумел в 1970 году, когда приехал на два месяца в дом творчества имени К. Коровина в Гурзуфе. За эти два месяца ты создал около ста великолепных этюдов, в которых с поразительным мастерством изобразил не только красоту своей Жемчужной Родины, но и боль души от вынужденной разлуки с ней. Помню удивление и плохо скрываемую зависть на лицах твоих коллег, когда на отчетной живописной секции ты выставил все работы, выполненные в Гурзуфе. Они не могли осознать, как за такой короткий срок можно столько успеть. И как им объяснить, что ты, как птица, десятилетиями удерживаемая в клетке, вдруг вырвался на столь желанную свободу и, ши-